

К 60-летию со дня рождения народного артиста РСФСР И. Т. БОБЫЛЕВА

ДИАЛОГ, КОТОРЫЙ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Завтра в Пермском ордена Трудового Красного Знамени драматическом театре состоится юбилейный вечер, посвященный 60-летию со дня рождения и 35-летию творческой и общественной деятельности известного советского режиссера, народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР, Ивана Тимофеевича Бобылева.

ПОСЛЕДНИЕ полтора десятилетия с именем Бобылева неразрывно связана деятельность пермской драмы. Наверное, сейчас уже можно считать, что пермский драматический — главная любовь и привязанность, хотя были в его жизни и столичный, и другие областные театры.

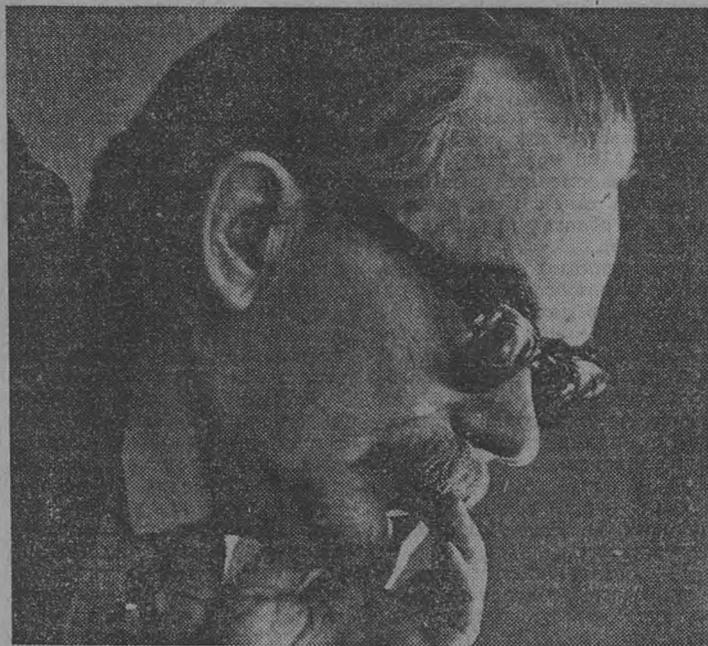
Нередко в центральной прессе, в статьях, посвященных такому актуальному вопросу, как театр и зритель, Пермь именуют городом театральным, отмечают полный аншлаг на спектаклях, не скрывают удивления по поводу того, что сценические произведения живут помногу лет, не теряя свежести премьеры. В последние годы театру неоднократно присуждалось призовые места в республиканском социалистическом соревновании, ряд спектаклей отмечен премиями Министерства культуры. Но так было не всегда.

Принимая театр, И. Т. Бобылев грустно констатировал: актеры есть, зрителей в зале мало. В рабочем блокноте появились малоутешительные наблюдения: «горько слушать от зрителей, да и от людей искусства, что в драму ходить неинтересно»; «...некоторые, узнав, что я намерен работать в Перми, советовали поставить что-то такое, чтобы сразу заинтересовать всех каким-нибудь театральным скандалом. Я не признаю такой метод».

Нет, такой метод совсем не отвечал ни характеру этого человека, ни образу мышления, ни жизненной позиции. Зато с первых же дней горячо, истово, упрямо им исповедовалось, утверждалось следующее:

спектакль — детище не только актера и режиссера, но всех театральных служб; на работе, если она хорошо организована, и каждый делает свое дело творчески, «халтурить» неприлично, непорядочно, безнравственно. Он не скрывал, что за адова работа — создать хороший спектакль, сам жил в жестком режиме и требовал это от других. И радовался, когда видел, что все больше и больше людей в театре хотят участвовать в хорошей работе.

Письма о пермской драме довольно регулярно стали поступать в газету после спектаклей «Царь Федор Иоаннович», «На дне», «Свадьба

Кречинского». Все это режиссерские работы Бобылева. Значимость ряда спектаклей, поставленных им, давно вышла за рамки Перми. Так спектакль «На дне» был признан одной из самых интересных в РСФСР постановок юбилейного года горьковской драматургии. Удостоены дипломов всесоюзных фестивалей спектакли «Птицы нашей молодости», «Доходное место», «Сельская любовь», а горьковская «Васса Железнова», отмеченная премией министра культуры СССР, шагнула из Перми в Чехословакию, куда режиссер был приглашен для постановки этого шедевра отечественной драматургии. За создание спектаклей «Увятские шлемоносцы», «Егор Булычов и другие» Иван Тимофеевич Бобылев удостоен Государственной премии РСФСР (1981 г.). В канун шестидесятилетия за заслуги в развитии советского театрального искусства И. Т. Бобылев награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ИВАН Тимофеевич удивительный рассказчик. Но ощущение удивительности приходит не сразу. Голос у него негромкий, несколько глуховатый, попадаешь в плен образности его речи, его мысли позже.

У меня сохранилась запись одной беседы. Было это еще в старом театре.

— Мечтал ли я стать режиссером? Нет, не мечтал. Я даже не подозревал, что такая профессия существует. Да и родился в семье, которая никакого отношения к искусству не имела. Жили в Москве, на рабочей окраине, за заставой Ильича. Кругом заводы, самый приметный «Серп и молот». Мой отец, придя с работы, приносил с собой запах машин, жести, ды-

ма сталеплавильных печей. Домики наши были маленькие, деревянные, на семью комнатна с тесовыми перегородками. Жизнь не умещалась в ней и выплескивалась во дворы, на улицу. Люди нашей окраины жили сурово, но открыто. Очень любили петь. Иногда до утра я заслушивался народной песней. Нет ничего выше по душевности, чем русская песня! Старенький круглый репродуктор, висевший на стенке, у нас никогда не выключался. Громкость у него была небольшая, через хрипы и потрескивания мы узнавали новости мира. Под его привычные звуки мы засыпали. Он же будил нас. Но однажды... Однажды я услышал, что народный артист Иван Михайлович Москвин будет читать рассказы Чехова. Я прыгнул к репродуктору. Артист читал те самые рассказы Чехова, которые я знал. И случилась поразительное: я не узнавал текст. Я слышал те же самые слова, но сказаны они были совсем по-другому. Он не читал даже, он, казалось, разговаривал со мной, рассказывая мне удивительные истории про людей живых, очень разных. Всех их я представлял ясно, точно был с ними знаком, точно видел, как они, охваченные паникой, искали «лошадину фамилию»... Когда он закончил, я схватил книгу и стал перечитывать рассказ. Увы! Мое чтение было бледным. Голос не слушался. Даже ничего приблизительно похожего не получалось. С этого дня жизнь для меня превратилась в пытку. Но бросить это занятие я уже не мог. Я должен был овладеть тайной звучащего слова. И однажды на школьном вечере, мучаясь от стеснительности, прочитал «Лошадину фамилию» Чехова. Помню, похлопали мне дружно, а учительница, похвалив, посоветовала открывать, хоть изредка, глаза. Она зывается, я читал закурившись. С тех пор пошло. Научился читать с открытыми глазами. Читал Чехова, Демьяна Бедного, Зощенко. С тех пор я постоянно жду от исполнительского искусства, от звучащего слова такого чуда, когда знакомый текст я не узнаю, потому что артист умеет его заново открывать. Так я заболел театром. И навсегда. А потом война. Эвакуация в Сибирь, в Омск.

Многие люди так или иначе по-доброму прикоснулись к моей судьбе. Но сейчас я с благодарностью вспоминаю учительницу Тамару Львовну Коновалову. Мы ведь рассчитывали пробыть в Сибири несколько недель, приехали налегке, в чемоданах, без зимних пальто. А школа далеко. Морозы страшные. Чем бы все это для меня кончилось, не знаю. Тамара Львовна выхлопотала мне через военкомат меховые штаны и валенки. В январе 1943 года я был призван в армию. К этому времени в классе из мальчишек оставалось только двое. Служа в армии, в Ярославле, я несколько раз попадал в ярославские театры. Сердце щемило, уходил оттуда с тоской. Театр казался далеким и недосягаемым. Наконец, война кончилась.

Однажды на квартире выдающегося актера современности Бориса Васильевича Шукрина, одного из первых советских актеров, воплотивших на сцене образ В. И. Ленина (с его сыном Егором я служил в армии), меня уговорили почитать что-нибудь. Борис Васильевича уже не было в живых, его жена Татьяна Митрофановна принимала горячее участие в судьбах всех молодых людей, тянувшихся к искусству. Так вот Татьяна Митрофановна уговорила меня почитать ей. Я решил, почитал. Она без раздумий сказала, чтоб я шел в театр. Я был принят в Шукринское театральное училище. Заключил его, получил приглашение в Московский театр Сатиры, но при распределении назначения получил в один из театров Московской области. Привыкший в армии читать дисциплину — выехал по назначению. Естественно, работал актером. Играл много и с удовольствием. Но часто ловил себя на мысли, что в училище нас наставляли по-другому, дали более высокую профессиональную культуру. Распирало желание поделиться, и как-то я высказал это режиссеру во время репетиции. Он поступил мудро, как истинный художник, послал меня на сцену и предложил порепетировать с актерами. Я пошел. Вроде получилось. Потом он поручил поставить самостоятельный спектакль, потом еще. Постепенно я становился режиссером, а актером уже по совместительству.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ остролопы говорят: зайдешь в кабинет главрежа со своим мнением, а выйдешь с его.

Я не усматриваю в этой шутке намека на диктат. Мне думается, здесь верно подмечено одно из качеств характера Бобылева — умение идти до конца, если он убежден в правоте дела, идеи.

Доводилось наблюдать его в разных ситуациях: в минуты ликования, гнева, радости, азарта. Но никогда не доводилось видеть равнодушным. В споре он по-юношески горяч, в работе — терпелив и упрям, в общении с людьми доступен и прост. Но главная его страсть, дело жизни — театр. И все, что театра касается — тоже самое главное.

Вспоминаю один из традиционных осенних сборов труппы. Это всегда день особенный: люди приезжают в родные стены после гастролей,

отпускают, радуются друг другу. Что и говорить, праздник. Но день тот, к сожалению, приятным не оказался. Строители затаили с ремонтом. Мы ходили по фойе и коридорам, боясь перепачкаться известкой и краской. Иван Тимофеевич, собрав труппу, поздравил ее с новым сезоном, и как-то необычно ссутулившись, быстро прошел к себе.

Я зашла в кабинет к директору по своим делам. Михаил Иосифович Гершкович, директор, сам человек достаточно ответственный (тогда он был в театре, помнится, второй сезон), бушевал, метал на головы строителей громы и молнии. Несколькими успокоившись, сказал: — Вы видели, как он ушел? Он даже лицом осунулся. Я больше никогда не допущу, чтобы актеры возвращались в свой дом, когда дом грязный.

Недавно в редакцию газеты «Звезда» пришло письмо от читателя В. Прокина, который сетовал на то, что в зале нового театра, видимо, неважная акустика, актеров плохо слышно. Редакция познакомила с письмом главного режиссера.

Бобылев обстоятельно ответил газете, что работа актеров над режью с момента перехода на новую сцену не прекращается и составляет предмет особых забот режиссуры, и письмо читателя еще раз подтверждает, что эта работа должна вестись интенсивнее. Далее прилагался перечень мер по индивидуальным занятиям актеров в сфере культуры речи.

Письмо И. Т. Бобылева в редакцию заканчивалось словами: «Просим передать нашу признательность В. Прокину за его заботу о театре».

* * *

...Видимо, пятнадцать лет назад они понравились друг другу: режиссер и театр. Режиссер и город. Потому что уже не представляешь наш драматический без Бобылева. Он приехал в Пермь не новичком, опытным работником. И все-таки эти годы были временем учебы, становления, возмужания, утверждения и театра, и режиссера. В культурной и общественной жизни Прикамья он немало значит, коммунист Иван Бобылев. Весом его вклад. Но и город дал ему тоже много. В Перми он стал заслуженным деятелем искусств РСФСР, народным артистом республики, лауреатом Государственной премии. Пермь послала его делегатом на XXVI съезд КПСС.

Лучшие спектакли, поставленные И. Т. Бобылевым, являют собой уроки добра, несут заряд гуманизма и высокой нравственности. Три часа длится спектакль. И за это время чью-то жизнь мы примем, чью-то отвергнем. Но какое это счастье, что с нами навсегда остаются чеховские сестры и шекспировский Гамлет, погодинский инженер Гай, и шолоховский Давыдов.. Спасибо вам, великие три часа! А еще спасибо за тот нескончаемый диалог, который всю жизнь ведут с нами Актер, Режиссер, Театр.

И. ФУКАЛОВА.